

ФРОНТОВЫЕ БАЙКИ, РАССКАЗАННЫЕ **КОТОМ ПОЛКА** Ольга Гапеева

18+

Ольга Гапеева

**Фронтвые байки,
рассказанные котом полка**

«ЛИРА»

2026

УДК 84(2=Р)6
ББК 821.161.1

Гапеева О.

Фронтовые байки, рассказанные котом полка / О. Гапеева —
«ЛИРА», 2026

ISBN 978-5-907727-99-1

Меня зовут Преподобный, и я — кот. Меня приютили бойцы СВО, и я стал для них настоящей поддержкой и... необычным психотерапевтом. В этих историях через мои глаза читатель увидит будни солдат, их радости, тревоги и маленькие победы — трогательно, искренне и с легкой долей юмора.

УДК 84(2=Р)6
ББК 821.161.1

ISBN 978-5-907727-99-1

© Гапеева О., 2026
© ЛИРА, 2026

Содержание

Преподобные байки	6
Мертвец	10
Домовенок Кузя	13
Этот Пентагон не разрушить	16
Чума	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Гапеева

Фронтовые байки, рассказанные котом полка

* * *

© Ольга Гапеева, 2026

© ООО «Ли́ра», 2026

* * *

*События реальные, позывные изменены, совпадения случайны,
художественный вымысел – неизбежен.*

Преподобные байки

Преподобный – это я. Сын полка. Точнее – кот полка. Кот психологической разгрузки. Полка в зоне СВО. Военный зоопсихолог, в общем.

Мою маму обнаружили бойцы в одном из подвалов разрушенного дома и привезли с собой в штаб полка. Назвали Марьванна. Марьванна просто чудо что за кошечка – красивая, пушистая в меру, очень добrolасковая и мурчащая. А потом у Марьванны ожидаемо появилось потомство – три милейших котенка.

Маму Марьванну решили отдать в хорошие тыловые руки, как бы ни было жаль расставаться с мурчащим чудом. И двух моих сестренок тоже пристроили, а я остался на правах и обязанностях зоопсихолога и психотерапевта.

Одним славным весенним денечком в ту часть штаба (назовем это так, чтобы не разглашать), а именно в ту часть подвала, где <..> (в общем, снова не разглашаем) вбежал, почти влетел, рядовой и объявил, что «едет оттуда», глаза подняв к потолку. То есть генерал. Да, собственно, уже заезжает на территорию (не разглашаем, все же помнят), где размещался <..> (да-да, не разглашаем). Единственный присутствующий офицер, Пентагон, сорвался встречать гостя. А я... еще ни разу в жизни не видел настоящего генерала. Да и вообще – услышал о таком вот буквально только что, поэтому со всех лап, руля хвостом, помчался за Пентагоном.

Генерал оказался совсем неприметным, как почти любой боец нашего полка, которых я повидал немало. С ним приехали еще три офицера в скромных мультикамах. Всех Пентагон видел в... В общем, знал.

– Товарищ генерал-майор... – (последовал доклад по уставу и тому подобное, и прочая...) – Товарищ подполковник, – генерал оглядел подполковника и стоявших навтыжку бойцов, – вы бы тапки тут лучше не носили. Если что, в тапках бегать неудобно.

Все опустили глаза вниз. Да, точно. Некоторые были в тапках. Генерал заметил и меня, смущенно жавшегося к ноге офицера, – к ноге в носке, в котором я от волнения когтем проделал дырочку на пятке.

– Так, а это что за неуставная морда?

– Это... – подполковник замялся на секунду, – специалист по терапевтическому мурчанию.

– А ну дай-ка сюда это мурло.

Оказавшись в руке товарища генерал-майора, на секунду встретившись с ним глазами, увидел его мелькнувшие воспоминания о детстве, деревне, каникулах у бабушки, об учителе русского языка в деревенской школе и о коте, жившем в доме бабушки.

– Преподобнейший кот! Как зовут?

– Так и зовут, товарищ генерал-майор. Преподобный!

Так и закрепился за мной этот позывной. С тех пор и служу. Психотерапевтирую моих ребят. Они все – мои, хотя они считают ошибочно, что это я их.

Хорошо, что люди считают котов уступающими им по памяти и интеллекту. Иначе столько бы всего повывлезало... Вот – например...

Сижу тихо за монитором на одном внеплановом, но срочном совещании замов. Мероприятие серьезное, поэтому я не развалился по привычке на стуле, а сел «буханочкой», поджав лапки.

Вопрос был архиважный. Едут журналисты. Уже сообщили «оттуда» (ага, глаза вверх), что надо встретить журналистов и всячески помочь в освещении хода боевых и иных действий, в положенных рамках, разумеется.

Присутствующие сурово молчали – своих дел невпроворот, а тут еще и это. Но делать нечего. Прикинули маршрут, действия сопровождающих и встречающих.

* * *

Машина с представителями СМИ скакала по ухабам мимо разбитой и сожженной техники, руин зданий, обожженных деревьев. Потом пересели в две багги. В каждой был следящий за небом боец с антидроновым ружьем.

Девушки с красивыми и ухоженными личиками в стиле *new money*¹, в чистой форме в отличнейших бронезилетах и касках гоняли оператора, что-то рассказывали, делали дубль за дублем, осматривали окопы и блиндаж, задавали вопросы, получали ответы от бойцов, вспо-тевших от усилий и ответственности за мнение уважаемых телезрителей о происходящем в данный момент.

Внезапно раздался крик «Небо!», стрельба, пальба, дроны, бойцы заташили совершенно растерянных и перепуганных журналисток в окоп, где – вот именно в этой части окопа – была глубокая, грязнущая лужа. Сбитые дроны падали, девушки бултыхались в грязи, раздавались взрывы и мат-перемат.

– Олег, ты снял это? – спросила, наконец, оператора одна из них.

– Не уверен, – отвечает, – все так внезапно, я камеру берег, собой накрыл. Можем еще подождать, наверняка будет еще атака.

– Не-е-ет! Едем!

На вопрос, где можно почистить форму и умыться, бойцы только пожимали плечами. Сопровождающий отрезал, что умыться и прочее – в Донецке. Или лучше в Ростове.

... На территории прощались деятели журналистики и военные. Прощание было теплым. Девушки сидели в «Патриоте» и нетерпеливо поглядывали на оператора.

* * *

Двумя часами ранее...

Проводив взглядами резво удаляющиеся багги с журналистами, бойцы слышали крик по радиации: «Сно-о-оп! Что с моими „птичками“?² Что с моими „галчатами“? Если они сломаны, я тебя вы... у!»

– Размечтался! Хрен тебе, а не меня вы... ть! – (Это орали друг на друга оператор БПЛА Мономах и сапер Сноп.) – Я твоим галчатам мягонькое подстелил, упали родненькие как ко Христу за пазушку!

Бойцы еще пообсуждали, какие у них перспективы кинокарьеры с учетом приобретенного опыта.

* * *

Двумя днями ранее...

Совещание в штабе. Те же, там же. Приглашены дополнительно все имеющие отношение к миру кино и театра, кто служит в полку. Ну и, конечно, я, Преподобный, сижу тихо за монитором и не отвечаю.

– Господа, у меня к вам пренеприятное известие. К нам не просто едут журналисты. Нас очень настоятельно попросили там (взгляд наверх)... Короче, сейчас прочитаю...

От прочитанного у присутствующих случилось недоразумение в глазах и несуряница в голове. Как можно отвезти группу с ТВ на передовую, но чтобы не отвезти их туда, как помочь сделать им репортаж, но чтобы отбить у журналистов охоту слоняться на ЛБС³, как впахнуть невпихуемое, чтобы они этого не заметили. Но где наша не пропадала! Наметили маршрут, где побольше сожженной техники, собрали бойцов, развели грязь в окопе, бросив туда пару

¹ Стиль *new money* прицельно использует стилистические средства, которые ранее считались проявлением дурного вкуса, выдавая в обладателе выскочку и нувориша. Главные признаки стиля: безумные принты, много блеска, массивные кричащие украшения.

² Беспилотный летательный аппарат (БПЛА) любой конструкции.

³ Линия боевого соприкосновения.

десятков мертвых мышей (ловил, кстати, мышей я! Разве я не молодец?), пояснили БЗ⁴ Снопу и Мономаху.

* * *

Снова отъезд съёмочной группы...

– Мужики, спасибо вам за *все*! Особенно за живых. Их... – кивок в сторону машины, – пристрелят – и вся недолга. А мне отвечать матери их. И моей сестре. Может, найдут, как иначе Родине служить, – прошептал оператор группы, мужичок, судя по цвету глаз – лет тридцать пять, судя по цвету волос – лет шестьдесят.

– Угу, замуж, срочно замуж, – мрачно пошутил зампотех. – Ну что, Преподобный, пошли, что ли, на кухню, поищем что-нибудь поинтереснее мышей...

⁴ Боевое задание.

Мертвец

Его зовут Мертвец. Конечно, зовут-то его иначе, но его позывной – Мертвец.

Молодой военный фельдшер, в связях был, но не замечен, чувство юмора черное, любимая музыка черный металл. В августе 2008 года погиб его отец, тоже военный медик. Понимая, что его ранение в сложившихся условиях летально, он, захлебываясь кровью, хрипел: «Братуш, у меня первая положительная, помогай тем, кому еще можно!» Одним из спасенных тогда отцовской первой положительной оказался слегка оцепеневший от столь прыткого начала своей военной службы лейтенант. Именно к этому уже теперь майору, начмеду полка, и направился Мертвец.

Мертвец – парень сметливый, сообразительный, рука легкая, характер скромный, не женат, но обожает воспитавшую его бабулю, профессора медицины и хирурга от Бога.

Пару дней назад бабуля написала, попросив съездить в один поселок недалеко от С. проверить состояние могил. Ее давняя подруга оставила в этом поселке могилы любимого мужа и дочери. И вот по невесть откуда взявшимся сведениям кладбище было разбито, разбомблено, выкошено под ноль. Бабушка, Анна Николаевна, очень переживала за состояние подруги. Мертвец бабуле отказать не мог. Отпросился у начмеда.

Погода в те дни стояла пасмурная, туманная, сумрачная – как скучнейшие лекции по философии у них на медкафедре. Но одновременно эта же погода и самая безопасная. Уже неделю не было «двухсотых»⁵, а раненым не требовалось его присутствие.

Мертвец зашел к начмеду напомнить о своих планах.

Начмед, лысый, но бородатый сибиряк с позывным Акира в честь режиссера Куросавы, корпел над отчетами. Шеврон на рукаве «А с х...я ли снова я?» был больше, чем прикол – скорее девиз и ответ на все наезды. Акира дал добро и предложил поехать на «Варя». «Варя» – это квадрик, подаренный земляком комполка. Военный пенсионер приобрел и подарил несколько мотоциклов и квадриков в полк своего когда-то подчиненного Бати. На одном из них была почти незаметно выцарапана надпись «Варя + С.», а дальше – неясно, кто и чему это все равняется. Квадрик «Варя» отличалась прытью, маневренностью и отзывчивым складом своего механизма.

– Завези в третий бат пакет, – напомнил Акира. – У Тоши возьми.

Тоша – студент медфакультета, загремевший по «медицинской» статье, подписавший контракт, попавший на глаза Акире и несущий свою службу теперь в госпитале. Во время пребывания в МЛС⁶ он приобщился к творчеству Антона Павловича Чехова. Никогда не знаешь, в какой момент любого из нас настигнет любовь. Тоша, сокращенно от «Антон», полюбил мечту стать после войны настоящим врачом, как его кумир. Он думал даже завести себе таксу, хотя бы одну, и назвать ее... нет не Бром и не Хина, а Промедол.

Тоша протянул Мертвецу пакет с лекарствами, предназначенными для мерзкопогодного и простуднообильного сезона.

Погода становилась все отвратнее и благословеннее. Хмарь с неба, грязь чернозема и тяжесть влажного воздуха смешались в прекраснейшую, абсолютно (на том этапе боевых действий) неподходящую для дронов погоду.

«Варюша» бодро везла Мертвеца по единственной более или менее очищенной от мин дороге.

Мертвец тем не менее сканировал все колебания воздуха вокруг себя. Попутно воспоминания теребили мозг обо всем, что произошло тут за последний месяц.

⁵ Убитые.

⁶ Места лишения свободы.

Однажды по дороге Мертвеца атаковали сразу пять «птичек». Спасение нашлось только в какой-то яме с трупом с остатками синего скотча на форме. Занырнув под труп, Мертвец затих. «Птички» кружились, но показать местонахождение Мертвеца своим готовым на любой лютей садизм хозяевам не смогли. Так и лежал до ночи Мертвец. Чтобы отвлечься и не скиснуть, он заставил свои нейроны вспоминать латинские названия косточек, мышц, органов. В академии латынь ему нравилась. Только ночью выполз Мертвец из могилы и начал пробираться к своим. По пути смог даже обнаружить двух «трехсотых»⁷, и втроем они доползли до своих.

А вот тут была атакована группа, которая обеспечила проезд и охрану двум следователям из СКР⁸, осматривавшим в недавно взятом Селидово места расправ над мирными жителями. Дежурившие дроны загнали всех в болото. Вонючая жижа пропитала форму, резиновые сапоги, утяжеляя не только движение, но и мысли. Барахтаясь под атаками дронов, Мертвец тащил тучного следователя, захлебывавшегося рядом. Спасла только контратака своих «птичек». Спасибо Арвен и Мономаху – заметили, направили летучий отряд на помощь.

Уже выкарабкавшиеся люди блевали болотной водой, катаясь в грязи и судорожно стреляя по вражеским дронам. Хохлодятлы улетели. Душечка Арвен оставила одну «птичку» наблюдать за группой. «Птичка» ненавязчиво и почти приветливо жужжала вокруг измотанных бойцов, будто спрашивала, чем еще помочь.

Вдруг над полянкой послышалось пение: «Я водяной, я водяной... Внутри меня водица, ну что с таким водиться? Фу, какая гадость!»

Пел старший группы.

– Мака-а-ар, дай проблеваться, не смейся, гад! – ржал отряд водяных. Мертвец тогда еще подумал, что надо-таки попытаться познакомиться с оператрицей Арвен. Ну и что, что она на несколько лет старше? Ну и что, что у нее легкое косоглазие? Мертвецу даже нравилось.

Так незаметно доехал Мертвец до бата. Все были на БЗ, дежурил Сахалин из Омска и Кунашир с Сахалина. Оба прибыли на войну из колонии. Оба отбывали за разбой. Но... чем черт (или лучше все-таки Бог) не шутит. За... в общем, за подвиги перевели их из просто штурмов в третий бат, который сильно нуждался в отчаянных, но уравновешенных головах, желательных в комплекте с телом.

Выпив чаю с гуманитарными апельсинами (чай «по-мароккански», как объявил Кунашир) и печеньками, отдав пакет, Мертвец двинул на кладбище.

М-да, неожиданно. Мертвец на кладбище. Один к одному. Кладбище было целохонько. Только с северной стороны несколько памятников чуть покоцаны долетевшими осколками. На кладбище царил тишина. Почти не пугающая тишина. Или точнее – непуганая войной тишина. Среди этой тишины бродил Мертвец в поисках нужных могил. Нашел он их быстро, тем более что бабуля Анна Николаевна подробно передала ему приметы.

Огромный дуб оглядел Мертвеца и уронил ему на голову парочку желудей.

– Не-е-е, дедушка, я не свин! – протянул ему Мертвец.

И тут погода умиротворилась. Благорастворение воздушных по-фронтовому. Пушистые белоснежные хлопья укутывали кладбище, дуб, могилы, дорожки, каску Мертвеца. После чая и дороги клонило в сон. Торопливо сделав видеоотчет, Мертвец пошел к Варе. Все же надо вернуться до наступления ночи. Поездка без фар по ночной степи как переговоры с исламскими террористами. А с фарами – как флирт с их сильно скорбящими вдовами.

И на обратном пути с Мертвецом тоже ничего плохого не случилось. Благополучно вернулся, благополучно отправил видео бабушке, благополучно послушал, как Тоша рассказывал ему о будущей таксе.

⁷ Раненые.

⁸ Следственный комитет России, также «СК».

Да, бывают и такие дни на войне. В такие дни уставшие, измученные и израненные души понимают, как же они задолбались. Вообще задолбались. Хочется домой.

Снег падал, подмораживало. Завтра погода станет ясной и прозрачной. И война возобновится в привычном ритме.

А пока просто падает снег.

* * *

Р. С. Мертвец нашел подходы к оператрице Арвен. И хотя на Арагорна, сына Араторна, он похож не был, Арвен сказала «да». На войне многое может случиться. Даже любовь.

Домовенок Кузя

Мы сидим под навесом возле кафе в А. Пригревает солнце, ветер незлобливо качает ветки ивы над навесом. Из кафе вкусно пахнет едой и миром. Мы – это начмед Акира, Макар, сравнительно новое лицо в нашем полку отец Илларион и я, полковой кот Преподобный, увязавшийся за своими братиками. И они, родители Кузи.

Кузя – парень лет двадцати двух – двадцати трех, появился у нас в конце осени. С другими, довольно многочисленными контрактниками, пополняющими полк, батальоны, взводы и роты. Но он выделялся. То ли отрешенно-наивно-глуповатыми глазами, то ли легкой заторможенностью, то ли тем, что сразу начал наводить порядок. За всеми. Он клал вещи на место, убирал мусор, что-то постоянно и очень настойчиво мыл, чистил, ремонтировал. «Чисто домашней» – был общий вердикт, и потому и дали ему позывной Кузя в честь домовенка Кузи. Хотя мультяшный персонаж и был суетливым, но других домашних ребята в полку не могли вспомнить, поэтому Кузя – это Кузя.

Почти ежедневно Кузя находит хоть несколько минут для меня. Погладить, почесать за ушком, расспросить о моих планах, поделиться своими. Согласно расписанию Кузя уходил «в поля», старательно выполнял указания старшего, благо в штурмы ходить от него не требовали. Парень был немного не от мира сего. Но мне он очень нравился. Пожалуй, это один из двух человек, который мог бы быть моим психотерапевтом, а не я его...

И вот мы сидим за столиком под навесом. Насупившийся Акира, нахмурившийся Макар, постоянно потягивающий минералку отец Илларион. Отец Кузи, очень похожий внешне на писателя Антона Павловича, портрет которого мне показывал Тоша из медроты, когда в очередной раз рассказывал о таксе своей мечты в будущем после войны. Мама Кузи, похожая на надломленную розу, тихо и испуганно глотает слезы. И я у нее на коленях.

Отец Кузи устало вел рассказ...

– На особенности Кузи врачи и мы обратили внимание, когда он еще совсем маленький был. Но диагноз, который ему поставили спустя долгие месяцы обследований, сомнений, прений, огорошил нас. А перспективы были и вовсе безрадостные. Согласись мы на диагноз со всеми вытекающими, ему бы автоматом в восемнадцать лет поставили бы шизофрению. Поэтому мы... – он встретился взглядом с женой, – решили отказаться от официального лечения, статуса инвалида, всех пособий и льгот. Занимались сыном, водили к логопеду, на гимнастику, массаж, в бассейн... Жена прошла с ним на семейном обучении все девять классов. Программы были вполне Кузе по плечу. Кузя своими силами поступил в хороший колледж, стал поваром. И даже в армии отслужил срочку. Правда, пришлось индивидуально договориться, чтобы служил он рядом с домом. В армии он был на хорошем счету. Чудаковатый, но исполнительный, да вы его видели. А потом мы... – снова взгляд на жену, – поехали в санаторий. А сын остался дома. Он оставался и раньше, все было нормально. Но в этот раз... мы так и не поняли, что и как это произошло. Он пошел в военкомат, подписал контракт, оставил ключи соседке, договорившись с ней, чтобы она кормила кота и поливала цветы. Сам или кто надоумил – не знаем. И вот – мы здесь...

...В середине февраля Кузя и Сникерс в очередной раз сопровождали отца Иллариона «на объект», чтобы тот мог поговорить с бойцами, помочь, поддержать всеми доступными священнику способами. Отец Илларион в миру был психиатром. Все шло как обычно, завтра планировалось возвращение. Но завтра не наступило. Завтра обрушилось всей тяжестью контрнаступления, прорывом обороны и продвижением врага вглубь. И это был не карикатурный контрнаступ...

Бесполезно гадать, как и почему это произошло. Оно произошло. И группа моих братиков оказалась полностью изолирована, пути отступления отрезаны, связь заглохла, а варианты

прорыва – довольно мрачны. Издалека наши «птички» только видели, что ребята не сдались в плен, огрызаются, окусываются, вгрызаясь в землю. По информации, боеприпаса было много. Чего не скажешь о просто припасах и воде. Изредка «птичкам» удавалось долететь и сбросить парням бутылки с водой.

Пушистой тенью скользил я по штабу, стараясь услышать новости о Кузе и других. Наведывался к ремонтникам, там у Кузи был товарищ. Бегал в медчасть. Никаких новостей. А Мертвец, мурлыкающий с Арвен, вообще выставил меня. Ну и ладно, не очень-то и надо... Но наутро Арвен, оператрица БПЛА, сказала, что у них что-то мыши совсем оборзели. Поэтому меня посадили в рюкзак и понесли на драку. Охота вышла славной. Арвен и Мономах собирали мою добычу, чтобы сжечь. А я отдыхал после ратных подвигов и прислушивался к разговору ворон на соседнем дереве, составляя план.

В сумерки рванул к нашим. Дорог я, признаюсь, боюсь. Бегать быстро как багги или квадратик не умею. Зато у меня встроенный прибор ночного видения и ориентировка по запахам. И вес легкий, мины на меня не реагируют.

Через поля бежать было легко. Но вот показался перелесок. От него километров пять до окруженных.

Лес, который назвали Крысячьим, мне не понравился совсем. И дело не в мертвых деревьях, обломках «птичек» на покореженных сучьях. А в том, что мертвый лес... дышал. Что-то там шевелилось, подвывало, поскрипывало, шуршало. Тихо ползу по опушке, весь начеку. Лежит тело. «Двухсотый». Я видел их и раньше, но этот... двигался. Тенью подползаю. Нет, это под формой двигаются... крысы. Они! Больше некому. Какие же НЕмыши эти крысы! Вот тебе! И тебе голову прочь! И третью туда же!

Глянув на руку умершего, заметил татуировку. Нет, такой второй не может быть! Это мой братик Сахалин! А рядом, в метре от Сахалина, – его друг Кунашир! То, что от него оставили дроны и крысы! Эх, братушки... Не дошли, не удалось. Как же вы?..

А чавкающее копошение и возня все ближе. Это смерть вгрызается в тела и своих, и не своих. И крысы, ошалевшие от доступности безответной плоти. И они... окружают меня... Сцепившись с еще несколькими тварями, вскрыв их утробы, бросаюсь прочь из этого крысиного царства.

Нельзя путать прожорливых и глупых мышей с расчетливыми, упертыми, дальновидными и хорошо организованными крысами. Люди, это и для вас: запомните это!

Все же лапу мне цапнули. К утру только доковылял до своих. Меня даже подкинули к медикам. Там я тихо зализывался, заодно поддерживая усиленным мурчанием и топтанием процесс реабилитации моих братиков.

И вот Тошин крик Мертвецу:

– Сникерса везут, «трехсотый», истощение и обезвоживание!

Семь недель я ждал. Семь недель все ждали. Семь недель без еды и воды. Семь недель... Четыре человека выжили. Отец Илларион, Сникерс, Кузя и Пентагон. Четыре из пятнадцати.

Спустя несколько дней Кузю выпустили из интенсивной терапии. Как же я радовался! Кузя долго начесывал меня, а потом начал плакать... Он шептал, что они там... ели птиц, ели пойманных котов, даже крота вырыли и съели, и ему теперь страшно меня держать... А я только собирался Кузе сказать, что «Ой, неважно», как вдруг его плач перешел в хрип, и он упал...

* * *

И вот мы идем. Макар, Акира, отец Илларион, который не расстается с бутылкой... бутылкой воды. И я. Остановились на развилке. Отсюда можно дойти до санчасти и по другой тропинке до штаба.

– Что ты предлагаешь? Ты им вообще веришь? Меня знаешь как за... ли липовые ранения? – в очередной раз вопрошал Акира.

– С фи́га ли опять я? – кричал с предплечья его шеврон.

– Знаю. Как и меня, – не глядя на Акиру, цедил Макар. – Меня уже кто только не проклял за цинизм и черствость.

Я усиленно терся об их ноги. Путался, не давая шагнуть. Даже пытался карабкаться по ногам. Сбросили. Да обратите вы уже на меня внимание! Крыса бы вас побрала. То есть не надо, конечно, но послушайте меня! Не врут они! Я ж... знаю!

– Что скажешь, батюшка? Что крест дается по силам? – взвились Акира и Макар.

– Христу крест помог нести Симон Кириянин. Помощь нужна и тому, кому помогают, и тому, кто помогает. Взаимно, – отец Илларион старательно разглядывал облака. – Сегодня утром Алексей Игоревич звонил. Он, собственно, про здоровье спросил, то-се, пятое-десятое. Им в отдел человек нужен. Аккуратный, прилежный, старательный... Неболтливый.

Все трое вспомнили робкий вопрос мамы Кузи перед прощанием: «Скажите, а Кирюша... ой... Кирилл – он там делал все... правильно?»

Отец Илларион тогда кивнул:

«Кирилл отличный парень. У вас все получилось».

У Макара и Акиры тоже все получилось. Они сделали все правильно.

Этот Пентагон не разрушить

Пентагон – это пятиугольник. И здание штаб-квартиры Министерства обороны некой страны. И зампотех⁹ нашего полка. А позывной этот закрепился за ним потому, что, рассуждая практически на любую тему, он говорил: «Пентагон должен быть разрушен». (*Ceterum censeo Carthaginem delendam esse* / «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен», – так говорил когда-то Марк Катон Старший¹⁰.) Вот такое простое и техничное решение.

За глаза Пентагона называли суетологом, впрочем, он был в курсе. Пентагон умудрялся менять свою дислокацию быстро, как мышь. То в Ростове, то в Донецке, то в окопах. Категорически и, казалось, принципиально не уживался с собственными замами, если они не брали на себя документационную сторону службы. Работу с документами Пентагон игнорировал и презирал. Абсолютно взаимно причем. Практически любой документ сложнее анкеты грозил испортить ему настроение минимум на полдня. Зато в технических вопросах душа Пентагона находила отдохновение и отраду. С техническими вопросами Пентагон был не просто на «ты», а на «слышь, ты», чего не сказать о бюрократии.

Несколько раз на моей памяти Пентагона «сверху» хотели перевести на другую должность, но все какие-то технические заминки случались. И Пентагон зампотехничал в привычном ритме. Иногда, сидя в столовом уголке со мной на коленях и с чаем с вареньем (лучше домашним, которое из гуманитарки от хозяек), он упирался взглядом в стену, похлебывая чай и почесывая мне пузико, потом резко вставал, роняя меня, произносил сакральную фразу: «Преподобный, ты просто гений!» и уходил. Разумеется, что я гений, возражений нет. Но каким боком я гений в теме, над которой в тот момент размышлял Пентагон, он не считал нужным со мной делиться. Но я скромный и непритязательный полковой кот. Мне достаточно просто признание моего гения, в чем бы он ни состоял.

От Пентагона исходили вибрации, заводившие технику и глушащие попытки разлучить его с техникой или техниками. Никто толком не знал, чем, помимо техники и технических вопросов, живет Пентагон. Кроме меня, конечно. Я знал. Но по понятным причинам почти ни с кем не делился имеющейся информацией. Но неожиданно ситуация дала сбой.

Пентагон нередко добирался до самых крайних точек ответственности своего полка на ЛБС. В тот раз тоже была обычная его инспекция. Через пару дней он планировал уезжать в отпуск. Отпускной был подписан, билеты лежали в штабе, вещи собраны. Накануне Кузя и Сникерс пришли с отцом Илларионом в окопы к ребятам. Помочь, поддержать или удержать (в зависимости от личной ситуации). Завтра они должны были уйти. Но завтра произошло неожиданное событие в виде наступления противника и удержания маленького кусочка земли под своим контролем.

Спустя семь недель Пентагон, Кузя, Сникерс и отец Илларион, четыре из пятнадцати, были в медроте. Под капельницами в исхудавшем состоянии мысли Пентагона копошились и совещались о... нет, не о технике. А о семье. Он попросил принести ему его телефон. Набрал пароль, проверил все свои аккаунты, личные, семейные. А там... ничего. За последние пять недель. Тоша сменил капельницу. Пентагон уснул. Потом проснулся и снова уснул.

Прошло несколько суток. Пентагон лежал в отдельном закутке палаты. Кажется, на соседней койке лежал отец Илларион, но сейчас там было пусто. Заглянул Тоша.

– Дай телефон, – попросил Пентагон. Тоша хотел тут же уйти, но, подумав и посмотрев на меня, лежащего в ногах Пентагона, остался.

– Тоша, что-то не могу вдуплить, что с переписками. От жены и сыновей ничего.

⁹ Заместитель командира по технической части (ЗКТЧ).

¹⁰ Древнеримский политик и писатель, известный как консервативный борец против пороков и роскоши.

– Товарищ подполковник, – официально начал медбрат Тоша, – разрешите доложить...
– Тоша, прибью...
– Ваша жена попала в смертельную аварию, погибла. Мы не могли вам сообщить, мы...
мы... Ваши сыновья в курсе... Можно я пойду, товарищ подполковник? – Тоша выскользнул
ящеркой. Мы остались вдвоем.

К такой технической дилемме подполковник Пентагон готов не был. Тихо-тихо я пере-полз на грудь к Пентагону и прижался. Его сердце стучало... ровно. Из него ровно сочилось горе. Почему здесь, на войне, в окружении, без еды и воды, пожирая пойманного крота, он выжил. А его жена погибла в двух тысячах километров от линии фронта. Это же технически неправильно!

Потом заглянул уставший начмед Акира. Присел.

– Пентагон, она погибла в ДТП. Сразу. Тормоза или как-то так. Гололед. А живете вы в городе, где родственников у вас нет, все общие близкие друзья, как и ты, тут, на войне. Первой спохватилась твоя теща. Дочь не позвонила в субботу. Потом ваши парни... – (у Пентагона два сына – военные курсанты). – У одного из них был контакт Макара. Подняли его. Макар через своих знакомых добыл инфу о смерти. Я подробностей не знаю, ты уж лучше у Макара или Заи спроси. Зай твой телефон вскрывал. Макар три дня не покладая телефона решал вопрос с похоронами. Ее кремировали. Подробности у Макара. Или у него вон, – Акира кивнул на меня, лежащего у Пентагона на груди. – Он всюду тут крутится. – («Акира, это моя служба: крутиться тут и там!») – Прости, я честно больше ничего не знаю. У меня операции сейчас.

Вечером Тоша поставил капельницы Пентагону и вернувшемуся отцу Иллариону.

– Я сегодня с твоими парнями разговаривал, – говорил отец Илларион. – По видео. Им разрешили их старшие. И с тещей. Хорошо поговорили. Они все у тебя такие славные. За тебя

беспокоятся. Завтра или как тебе разрешат, можем еще раз. Батя тебе отпуск подписал с любой даты на десять дней. И слег с приступом в Дону¹¹.

– Угу.

– Слушай, я тебе вопросов задавать не буду, если не хочешь.

– Угу, – помолчал. – А мы... там встретимся, потом? Она же кремирована.

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что она и сейчас с тобой. Помнишь, ты говорил, что тебе жена снилась. А она уже мертва была.

– И сейчас снится. А потом?

– А потом будет потом. – Я смотрел на отца Иллариона – расскажет ли он Пентагону о своей жизни. Но нет, видимо, не сейчас.

– Как мне это вынести?

– Одному никак. У тебя есть сыновья. Далеко, но есть.

– Крест по силам, хочешь сказать?

Отец Илларион слышал этот вопрос в третий раз за последние десять часов.

– Крест не для установления рекордов по перетаскиванию тяжестей. А чтобы принять помощь тех, кто сможет тебе помочь. Не отталкивай помощь. Какой бы она ни была. стакан чая или долгий разговор. Возможность плакать или возможность выпить. Хотя Акира говорит, что сейчас просто ни капли крепкого. Просто не отказывайся от помощи. У Него нет рук, кроме рук людей вокруг тебя... А сейчас я хочу спать.

– Спи. Мы семь недель не спали толком. Спи, дружище...

Тоша тихо вытащил иглу. Пентагон спал. Тихо обхожу Пентагона вокруг. Он уже пахнет жизнью. Ложусь в ноги. Хорошо, что меня не выгоняют. Признают мою пользу. Спи, Пентагон. Ты будешь жить. Мы будем жить...

¹¹ Донецк.

Чума

Вот кого не терплю, так это Чуму. Дурной мужик. Почти единственный, кто называет меня не Преподобным, не Препом, а просто Шерстью!

Тем поздним вечером сидел я на своей любимой черешне. В соседний двор заехала машина, и все очарование теплого вечера растворилось в завывании песен, криках вульгарных теток, невнятной ругани. А коты, да будет это вам известно, весь этот кипиш не переносят на кошачий дух. Через полчаса пьяного в хлам Чуму затолкали в броник, шлем закинули на квадратик и увезли. Остальных выгнали внятными, но вербальными способами. Чуму, как и обещали, везли в подразделение Штыря. Штырь – это командир штрафников, который к месту и не к месту переспрашивает: «Шты?», поэтому он и Штырь.

Изначально у Чумы было совсем другое прозвище, по благозвучному названию мощной реки, текущей на север. Приехал Чума со многими другими ребятами из богатого северного региона. Но Чума «выгодно» залетал и отличался раз за разом с постоянством математической константы своим абсолютно неуживчивым характером и стремлением испакостить любые здоровые отношения в коллективе. Где бы он ни числился, от него стремились избавиться. Он подводил, забывал, забивал, тормозил, избегал и отлынивал.

Несколько раз его, пьяного в дупель, отвозили не то чтобы на передок, но почти, чтобы слегка очухался. Чума исправлялся на неделю, потом лез на очередное обострение того, что обострять совсем не стоило. Почему так выходило? Администрация его малой родины регулярно помогала части внедорожниками, квадраками, багги, брониками, шлемами, хорошими аптечками. А своих выходцев еще и поддерживала «юридически». В случае появления терок адвокаты писали кипами заявления, обращения, жалобы и прочее во все инстанции. Так что чувствовал себя Чума равнее всех.

Но в тот раз что-то пошло не так. И угодил Чума к Штырю. Через два дня в штаб приехал Мономах. Сказал, кино будем смотреть. Снятое одним из его «галчат», как он называл свои дроны-наблюдатели, во время штурма большого поселка.

Штурмовики уже зашли и заняли окраины, другие группы подтягивались для поддержки. Поступил сигнал, что командир одного из взводов – «триста». Дорога туда шла по минам и под огнем дронов.

- Кто поедет в Пасадену, уроды? – уточнил Штырь.
- А я и поеду, по мне никто не парится, – ответил Чума.
- Точно, газуй.

И Чума газанул. К развилке под кронами дубов его квадратик с прицепом подъехал на максималке, проскочил открытый участок дороги. При этом под ним взорвались три мины, размотав днище прицепа под ноль. Доскакав до нужного поворота и части поселка, где дымились руины домов, прыгнул, помог прикрепить носилки с тремя ранеными к выжившей раме прицепа, четвертый раненый был привязан к заднему сиденью квадрака. И назад...

То ли дроны поперхнулись от такой наглой выходки, то ли Чума такой фартовый был, но всех он довез до промежуточного эвакуационного пункта. И сделал еще две ходки за «трехсотыми», подвозя штурмам баклажки с водой.

Зачарованно смотрели видеозапись в штабе. После чего на всякий случай попросили Штыря воспитывать Чуму умеренно.

- Шты? – отреагировал Штырь.

Все лето Чума регулярно попадал на видеообъективы «птичек». Он еще обзавелся огромной заплечной сумкой, как у курьеров доставки. Как Фигаро он мелькал то в одной лесополке, то на другой дороге. Он протискивался невредимым в самые отдаленные точки, неизменно с приветствием: «Пиццу, суши, роллы заказывали?» Но таскал медицину, бензин, аккумуля-

торы. Один раз ему удалось сбить собственным шлемом дрон, который караулил его на выходе из какой-то норы. В другой раз наблюдатель зацепил его катающимся среди редкого кустарника с каким-то хохлом, значительно крупнее его.

Потом его чуть не захватили в плен, когда он мародерил в школе, но Чума успел выскользнуть. Потом, уже в рас포лаге, Штырь сам полюбопытствовал, чем набита знаменитая сумка Чумы. Оказалось, книгами идеологического содержания. Штырю отвечать Чума отказался, но потом, отплеываясь кровью, офицеру штаба признался, что хочет писать книгу о войне, а это нужный материал. При этом он сиял не совсем белозубой улыбкой, как обогащенный уран.

Вишенкой на торте боевых походов Чумы стала его ночная вылазка в Крысячий лес. Это небольшая лесополка возле когда-то стоявших то ли амбаров, то ли зернохранилищ. Здания лежали в руинах еще с 2014 года, но в подвалах там поселились или, точнее, остались крысы. Это была их зона комфорта. Со временем лесополка заполнялась «двухсотыми», убирать которых мешали обстоятельства в виде стай хищных дронов и постоянно долетавших касеток. И если днем Крысячий лес еще можно было пересечь, то с наступлением темноты это был уже квест на выживание. Выбывали не крысы. Однажды я попробовал сунуться туда, но, увы, даже моего мужества оказалось недостаточно.

А Чума мало того, что смог пойти туда ночью, он еще нашел там раненого начсвязи и доставил его пред ясны очи Акиры и Мертвеца.

Прошло еще полтора месяца. «...Рядовой Кузнецов Николай Иванович... награжден государственной наградой орденом Мужества...» Кругом стояли и сидели, с костылями и без, бритые, одетые в синие уставные пижамы, госпитальеры из уже родного Штырного подразделения. Замкомполка приколот орденом Чуме. Все хлопали и очень искренне. Чума сидел в коляске. Штанины пижамы ниже колен болтались свободно. «С тобой еще потом отдельно поговорим».

Потом... Чума был выписан. Он уезжал в долгий отпуск с последующим отбытием в невоенную жизнь. Награждавший его замкомполка и Чума сидели в кабинете, где за монитором привычно «буханочкой» сидел ваш покорный слуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.